

Как часто наши бабушки, не чая души в нас, предостерегают, защищают нас и наше будущее. Но разве слушаем мы? Нет, мы идём своим путём, жаждём поступков, порой необдуманных, тем самым искривляя прямую жизненного пути, предначертанного нам на небесах. Хранящая любовь маминой мамы так нежно явлена в стихотворении Василия Ивановича Белова «Осина»:

*Говорила мне в детстве бабка:
– Иисуса Христа не мучай.
Не бери в кузовок обабки
Под проклятой осиною, внучек.
На осине висел Иуда,
А была она тихой, строгой
И спокойной была, покуда
Не пришёл к ней отступник Бога.
С той поры и шумит осина
И на Господа ропщет глухо.
... На руке скрипела корзина,
И крестилась моя старуха.
Я не верил библейским сказкам
Суеверной и доброй бабки.
И нарочно, хотя с опаской,
Под осиною искал обабки.*

Мы самонадеянны и всё ещё считаем, что знаем лучше тех, кто на множество ступеней выше на лестнице, ведущей к спасению. Как старается отвести предстоящие трудности и невзгоды бабушка от внука в семейном и пророческом стихотворении, как заботливо просит не трогать всего, что выросло под иудиным кровом, напоминает, что жизненный лес большой и каждый может отыскать себе и древо, и дары, главное, только не прельститься предательскими подношениями в красноватых шляпах.

*Снова купол небесный синий,
И поскотин лесных просторы.
Слышу вновь: шелестит осина,
С тишиной вековой споря.*

*Я сижу под мятежной кроной
И готов до рассвета слушать
Тихий звон чешуи зелёной,
Дорогой, бередящий душу.
Словно чудятся в звоне этом
Скорбных дедовских песен звуки,
Средь родимых полей пропетых
Про большие труды и муки.
И осина шумит, как прежде.
Угадать бы, чего ж ей надо?
Иль у ней не сбылись надежды,
Или новому дню не рада.
Я хочу, чтобы шум тревожный
Был со мною десятки вёсен,
Чтобы был на него похожим
Ритм шагов моих, дум и песен.*

Как правило, писателя создаёт трагедия или трагедии, и в этом стихотворении 1957 года эта жажда отыскания себя в окружающем мире, вступая в противоречия с ним и пытаясь подчинить его себе, есть и у Белова. Желание жить своим умом овладевает автором, он требует всего, что может дать смятённая молодость. В этом своенравии автор словно желает повторения пути своих предков, что само собой перекликается со стихотворением 1961 года «Дед»:

*Был мой дед нелюдим,
молча землю пахал
и рубил молчаливо
клетины по сёлам,
а садясь на шабаш,
самосадом своим полыхал
да улыбочиво слушал
балагуров весёлых.
И никто не слышал
от него никогда
богомерзкого слова
ни в труде, ни в застолье...
Ковыляли года,
и седела уже борода,
как трава-белоус,
что под осень белеет на поле.
Но когда у Столыпина и у царя
зародилась идея
послать мужика к Енисею,
дед в первой на веку
матюгом завернул, говоря:
«Я вот, так вашу так,
напашу вам, прохвосты, насею!»
Уложил сухари,*

*инструмент наточил,
заскоружлой ладонью
слезу мутноватую вытер:
«Чуешь, мать, не реви,
говорят, помолчи!»
и ушёл с мужиками артельными в Питер.*

Белов в этом стихотворении словно сам предостерегает себя от непослушания, но непослушания кому? Власти? Возможно, но главное, он выводит нам всем знакомое сочетание, которое хранит опасность. Столица и Сибирь – это уравненное противопоставление, похоже на народную русскую поговорку: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся...», и если в различных трактовках сума в поговорке обозначает нищету, то тюрьма – несправедливость, то есть к бедности может привести столичный или большой город своим развратом, что впоследствии ведёт по тракту, на каторгу, в Сибирь, а всё от несогласия с наделёнными властью.

*Замахали
над русской землёй топоры,
размочалились путы мужицкие,
словно размокишие вожжи,
только жаль, что мужик вологодский
до этой поры,
хоть и крепким и жилистым был,
а не дожил.
Придавило стропиной...
На погост
на казённой телеге
повезли в домовине из тёса.
Не послушал начальство,
не поехал в Сибирь древотёс,
но и в Питере тоже
не климат, видать, древотёсам.*

Белов крепко усвоит и наставления бабушки, и промахи деда, он навечно останется жить на родной Вологодчине, восстановит храм и спокойно уйдёт по бабушкиной лестнице к спасению, словно подтверждая сказанное в Евангелие от Матфея, глава 13, стихи 4-8: *иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло; иное упало в тернии, и выросло терние и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать.*

Вообще обращение к старшему поколению будет и далее не оставлять Белова в стихах, и это не удивительно. Как и многие другие его сверстники, Белов лишился отца, погибшего во время Великой Отечественной войны, поэтому тяжкая участь вечных деревенских солдаток никогда не покинет Василия Ивановича:

ЗНАКОМАЯ

*Я снова хожу по тропинкам
Лесов вологодских, полей;
Волнуясь, зашел по старинке
К давнишней знакомой моей.
Люблю я бревенчатый домик
У самой реки, за селом;
Плетнем огороженный дворик
И грядки под светлым окном.
В приземистом домике этом
Старушка Петровна живет,
В детсаде работает летом,
Зимую куделю прядет.
Бывало, зайдешь на ватрушки, —
Петровна и рада вдвойне
(Единственный сын у старушки
Без вести пропал на войне).
И вот я опять у Петровны;
Как прежде, несказанно стар,
Мурлыкает тихо и ровно
За нашим столом самовар.
— Ну, как поживаешь, соколик? —
Спросила Петровна меня. —
В солдатах который уж годик,
А воля ведь там не своя.
— Такая уж, бабушка, служба,
Не мешкай и в оба гляди,
Служить обязательно нужно,
Иначе — сама посуди?!
— Ох, надо, родимый, еще бы,
Да люди-то вон говорят,
Такие придуманы болбы,
По-страшному, чуешь, палят.
Петровна глубоко вздохнула
И чай нацедила в стакан,
Передником слезы смахнула,
Промолвила: мой-то Иван...*

*Березы купались в закате,
Дымил за деревней овин;
Я думал о павшем солдате,
Защитнике этих равнин.
Петровна меня проводила,
Сказала в напутствие мне:
— Начальников слушайся, милый,
В чужой не женись стороне.
Я завтра опять распрощаюсь
С тропинками хлебных полей,
Уеду спокойную старость
Хранить для знакомой моей.*

СВЕКРОВЬ

*Со скотиною обрядилась,
Посидела, всплакнув немножко,
И стыдливо принарядилась
В казачок и полусапожки.
Свой старинный наряд Петровна
Тридцать лет не носила ровно.
Тридцать лет... Чай от самой свадьбы,
Сколько минуло зим и весен,
Сколько сметано – посчитать бы –
Крутолобых стогов на покосе,
Сколько отдано сил колхозу!
Повязала снопов, бывало,
Понаметывало навозу,
В поле клеверу позагребала,
Потрепала льну на веку,
Походила с бельем на реку.
Что ж стыдиться-то! Не осудят
Ни упреком, ни словом резким.
Выноси пироги на блюде,
Повстречай, обними невестку.
Пусть живет со своей свекровью
И счастливее, и богаче,
Пусть не знает судьбины вдовьей
И одна по ночам не плачет.
Пусть не знает войны-напасти
И слезами платок не мочит.
Ой, какие брови у Насти,
Ой, какие у Насти очи!
Как легли на крутые плечи
Эти косы кольцом тяжелым!
Глянь, какая приспела встреча,
Не узнала, Петровна, что ли?
Не твоя ль зоревая юность
Обернулась невесткой Настей
И к порогу опять вернулась
С родником неизбывным счастья,
С женской нежностью, красотой,
С целомудренной чистотой?*

1961

От диалектически богатых стихов Белова исходит свойственное русскому человеку совестливое тепло, вроде бы и не сделал ничего плохого, а уже есть в чём покаяться, это от ментального осознания, понимания, что прожить безгреховно невозможно, так, ещё не свершив чего-то неприемлемого, можно и начать каяться, впрок, про запас, по-нашему, по-русски. Вообще именно эта черта, свойственная русским людям, заставляет нас молчать, а точнее замалчивать всё то, что может показаться

постыдным. Именно по этой причине наши прадеды и прабабушки замалчивали и замаливали всё то, что принесло неукротимо горькое ленинско-сталинское время в их деревни, дома, сердца. Об этом молчали долго, и лишь тихая грусть в беловских стихах может являться предтечей той писательской грозы, которая пройдёт и разорвётся шаровой молнией в его произведениях.

Гениальный композитор и философ Георгий Васильевич Свиридов писал: *«Русская культура неотделима от чувства совести. Совесть – вот что Россия принесла в мировое сознание. А ныне – есть опасность лишиться этой высокой нравственной категории и выдать за неё нечто совсем другое»*. У Белова фактор совести, о котором мы столько говорим в наши дни и так боимся утратить это принесённое в мировое сознание чувство, выделен наиболее ярко и просто, и это видно из беловских строк:

СЧАСТЬЕ

*Я за счастьем не хожу далеко
От обычных будней и людей,
Можно враз остаться одиноким,
Ни стихов не будет, ни друзей...
Не хочу прослыть оригинальным,
Выставляя персону напоказ.
Хорошо на свете быть дневальным,
Жить без всяких розовых прикрас,
Добывать свой хлеб соленым потом,
Беззаботных, праздных дней не знать,
В общей бане мыться по субботам,
По-простому петь и горевать;
И в застолье празднично-широком
Из блокнота что-нибудь прочесть!
...Я за счастьем не хожу далеко,
Может, в том оно как раз и есть.*

1957

Первая книга стихов Белова оказалась единственной, вышла в 1961 году и стала предвещательницей всего писательского наследия Василия Ивановича, но стихи он писал всю жизнь, так из душевной поэзии родилась гениальная проза, одна из самых чувственных в незабываемом XX веке. Мне рассказал любимый народом поэт Владимир Андреевич Костров, что, когда они с Василием Ивановичем Беловым вместе работали над редакцией романа «Год великого перелома» перед новомирской публикацией, он прислал ему книгу своих стихов с запиской, в которой говорил, что доверяет Кострову и хочет знать его мнение. Через некоторое время Белов позвонил Кострову, и Владимир Андреевич сказал: *«Василий Иванович, ваши стихи не надо редактировать. Это стихи простодушные, что очень любил Пушкин, и они могут оказаться интересны. Нет никакой ни интеллектуальной, ни чувственной зашоренности»*. Прошли годы, а мы так и не знаем, каким одарённым человеком был великий русский писатель:

Скажи, спешишь куда,
Поток весенний мой?..
Бурлит твоя вода,
Как будто ты живой.
Под кроною сосны
Родился ты на свет,
И в дни своей весны
Узнал немало бед.
Бежал в кромешной мгле,
Не знал, куда свернуть,
Под снегом на земле
Изыскивая пусть.
С трудом, что было сил,
Ты взял над снегом власть,
Окреп и вдруг пробил
Холодный твердый наст.
И вот уж ты теперь
Силен и говорлив,
Нет, верь или не верь –
Люблю я твой разлив!..
Час от часу смелей
Стремишься ты вперед,
Густая синь полей
Давно тебя зовет.
Трудись, работай, брат,
В движенье смысл житья,
Нам нет путей назад,
Спешим и ты, и я.
Взгляни по сторонам –
Вся жизнь полна борьбой;
Да и не надо нам
С тобой судьбы иной.
И счастье наше в том,
Что будет этот час,
Когда за труд добром
Помянут люди нас.

1957

Русский религиозный философ, теоретик славянофильства Иван Васильевич Киреевский писал: «Каждая нравственная победа в тайне одной христианской души есть уже духовное торжество для всего христианского мира». По моему мнению, примером такой индивидуальной победы является жизнь и творчество Василия Ивановича Белова, и мы не просто свидетели этого действия, мы присутствуем на всемирном торжестве, когда читаем всё сотворённое им.

Александр Владимирович ОРЛОВ.
Москва

